

Дневник прадедушки

Саакян Артур Аркадиевич,
7 класс МБОУ "СОШ №1 им. Героя Советского Союза П.И. Чиркина г. Калининска
Саратовской области",
Руководитель - Зименкова Ольга Викторовна,
учитель русского языка и литературы

Я держу в руках дневник моего прадедушки Саакяна Людвиг Аршаковича. Его отдала мне моя мама, когда я стал расспрашивать ее о нем, сказав, что лучше, чем он сам, никто рассказать не сможет. Прадед начал вести его с 1915 года, когда в это страшное для армян время вместе с семьей покинул Карс и уехал в Ереван. Он тосковал по родному городу, не мог поверить, что уже никогда не вернется туда. Я прочитал уже многие страницы и остановился на дате 1941 год.

24 июня 1941 года. Меня, моих братьев Тачата и Грачика, нашего односельчанина Армана отправили на фронт. На вокзале неразбериха, крики, слезы женщин. На душе тяжело, больно смотреть на родных, на жену, сына. Что их ждет? Что ждет нас?

8 июля 1941 года. Хотел делать записи часто, но нет времени. Усталость такая, что валимся с ног. А на сон времени почти нет. Я, Грачик и Арман оказались под Витебском, Тачата отправили под Ленинград. Мы стараемся держаться вместе – так легче. Обстрелы не прекращаются даже ночью. Дорогие мои, уезжая, думал, что мысли о вас будут постоянно со мной. Но здесь не думаешь ни о чем, только молишься и приказываешь себе бежать и стрелять. Знайте, если погибну, то как воин, а не как трус. Вам не придется краснеть за меня. Получил сразу два письма из дома. Вместе с Арманом перечитываем каждый день.

15 июля 1941 года. Грачик погиб. Только сейчас понял, что значит для меня семья. Я ведь даже не попрощался с ним перед боем, он был отправлен на задание. Почему-то вспоминаю детство, как бегали купаться, а он боялся прыгать с тарзанки. А тут не побоялся... А дома еще не знают о страшном горе. Родные мои, пусть хотя бы для вас он еще будет живым. За эту неделю столько погибло товарищей, даже хоронить не успевали. Снова атака.

2 декабря 1941 года. Трудно поверить, со мной случилось то, чего боится каждый солдат: я в плену. Лучше бы я погиб. Сосед по вагону сказал, что нас везут в Германию. Его тоже взяли под Витебском. Помню свист, сильный толчок в плечо и темнота. Потом лицо Армана надо мной. Он что-то говорит, кажется, что помочь мне все равно не сможет. Очнулся оттого, что кто-то тормозит меня. Увидел рядом сестричку нашу Зину. Она перевязала меня, остановила кровотечение и побежала дальше, а я остался. Потом немецкая речь, выстрелы над головой. Не помню, сколько вели нас по снегу, даже не перевязав тяжело раненных. Их пристреливали, чтобы не возиться с ними. Из еды давали кусок хлеба, кружку горячей воды. Немец, который обыскивал нас, бросил мне тетрадь и сказал, чтобы я лучше вел дневник смерти.

Январь 1942 года. Потеряли счет дням. После мытарств по лагерям нас привезли в Дрезден. Описать все ужасы не могу. Вскоре определили на работу. Я стрижу военнопленных. Слежу за бельем. Конечно, здесь лучше, чем в лагерях, где мы были до этого. Но как и там уводят тех, кто болен или ослаб. Больше их никто не видел.

Конец марта 1944 года. Георг, охранник, вырвал часть страниц. Я боюсь их восстанавливать. Да и зачем? Дни идут, похожие один на другой: подъем, завтрак, работа, отбой. И мысли о семье. Что им сообщили о моей судьбе? Живы ли они? Увижу ли я когда-нибудь Родину и родной дом? Эти мысли у всех в голове. Но мы стараемся не говорить об этом, чтобы не отчаяться.

18 ноября 1945 года. Лагерь освободили наши союзники. Нас по частям отправляют на Родину. Осенью доставили в Грузию. Мы знали, что нас ждет: допросы, вероятно, новый лагерь.

14 марта 1946 года. Дошла очередь до меня. Спрашивали, как я попал в плен, где получил ранение, почему хорошо знаю немецкий язык. Я понимал, что у каждого из нас своя правда и верить всем не должны, но было так унижительно доказывать, видя их недоверчивые жесткие взгляды, что я не предатель. Однажды я не выдержал и сказал, что моя вина в том, что я остался жив, на что получил ответ: «Да, лучше бы вы погибли».

7 апреля 1946 года. Отправлен на принудительные работы. Главное, я на родине, остальное можно выдержать, хотя в голове постоянно мысли: «За что так со мной? Я честно воевал, не струсил. Разве я виноват, что получил ранение и прошел этот ад?» И понимаю, что никто не ответит на эти вопросы. Война.

10 сентября 1947 года. Не верится, но я еду домой. В груди жарко, в голове роятся мысли: «Кого я найду в живых из родных? Сколько раз мне еще доказывать, что я ни в чем не виноват? Как встретят меня дома?»

Дневник прадедушки я прочитал несколько раз. Он вернулся домой. Но испытания на этом не закончились. Его односельчанин Арман, вернувшись, сказал родственникам, что сам похоронил моего прадеда под Витебском. Спустя несколько лет жена прадедушки вышла замуж. Дедушка, конечно, потом снова женился, у него появились дети, мой дедушка, но боль от пережитого осталась навсегда. Удивительно, что, испытав столько, он не озлобился, остался добрым, отзывчивым. Учил родных беречь хлеб, говоря, что даже маленький кусочек смог бы в лагере спасти жизнь человеку. Учил нас уважительно относиться к человеку любой национальности. Говорил, что самый страшный грех – предательство.

Я родился спустя 101 год после его рождения в один день с ним, поэтому никогда не видел своего прадеда. Он погиб во время землетрясения в Спитаке в 1988 году. Его жизнь – пример для меня, как нужно относиться к родине, своему народу, семье, людям. Я стараюсь жить так, чтобы он мог сказать: «Ты молодец, правнук, я тобой горжусь».